

Познакомим читателя с малоизвестным видом фольклорных повествований, в которых народные представления о загробной жизни выражены с максимальной полнотой: а именно — с рассказами о посещении человеком или его душой того света в состоянии летаргического сна или обморока.

Находясь в одном из этих состояний, человек видит себя на том свете. Рядом с ним, как правило, оказывается спутник, который и водит его по царству мертвых, показывая и объясняя муки грешников и блаженство праведников. При этом обмерший может свободно общаться с умершими, среди которых он обычно встречает знакомых и родственников. В момент возвращения с того света человек просыпается, приходит в сознание.

Рассказы об обмираниях в своем полном виде состоят из 3 частей.

1. Рассказ о ситуации обмирания и "отживания" (пробуждения), реакции окружающих на случившееся (часто они принимают уснувшего за умершего), указание на количество дней, проведенных в состоянии летаргического сна (их может быть, например, 1, 3, 6, 7, 9, 12, 14, 40).

2. Пересказ виденного на том свете.

Большинство текстов, записанных в Осташковском районе, будут опубликованы в подготовленном к печати сборнике "Селигерские сказания". Материалы, использованные в статье, собраны в конце 1980-х гг.

СТРАНСТВИЯ ДУШИ ПО ТОМУ СВЕТУ В РУССКИХ ОБМИРАНИЯХ

Важное место в системе народных религиозных воззрений занимают представления о существовании души человека после его смерти. Они нашли отражение в похоронных и календарных обрядах, духовных стихах, причитаниях, сказках, легендах.

3. Рассказ о том, как повлияло обмирание на дальнейшую жизнь человека. В большинстве своем обмирания короткие и констативны, но иногда они разрастаются до подробных, законченных, эстетически оформленных повествований (тексты 1, 2, 3).

Рассказчик, твердо верящий в истинность происшествия и нередко лично общавшийся с обмиравшим, снабжает свое повествование множеством конкретных деталей и подробностей, с особым артистизмом передает содержание обмирания, причем иногда от первого лица, живо изображая речь самого обмиравшего.

В некоторых случаях обмиравшему предписывается рассказать об увиденном (текст 1), в других, напротив, запрещается это делать, хотя запрет может и нарушаться: «Три дня спал. Проснулся и говорит: "Меня только на три дня отпустили. Мне не велели говорить, а я, — говорит, — говорю"» (Осташковский район Тверской области).

Как уже говорилось, по тому свету обмиравшего обычно водит какой-либо спутник. Им может быть умерший родственник, в том числе и крестный: «Я просто заснула, и пришла крестная матка за мной. Говорит: "Пойдем,

доченька, ко мне...» (Западнодвинский район Тверской области); "Значит, во-дила ее свекровка ейная по комнатам" (там же); умерший священник: "По тому свету ее поп водил. Тамшний поп, покойник там" (Торопецкий район Тверской области).

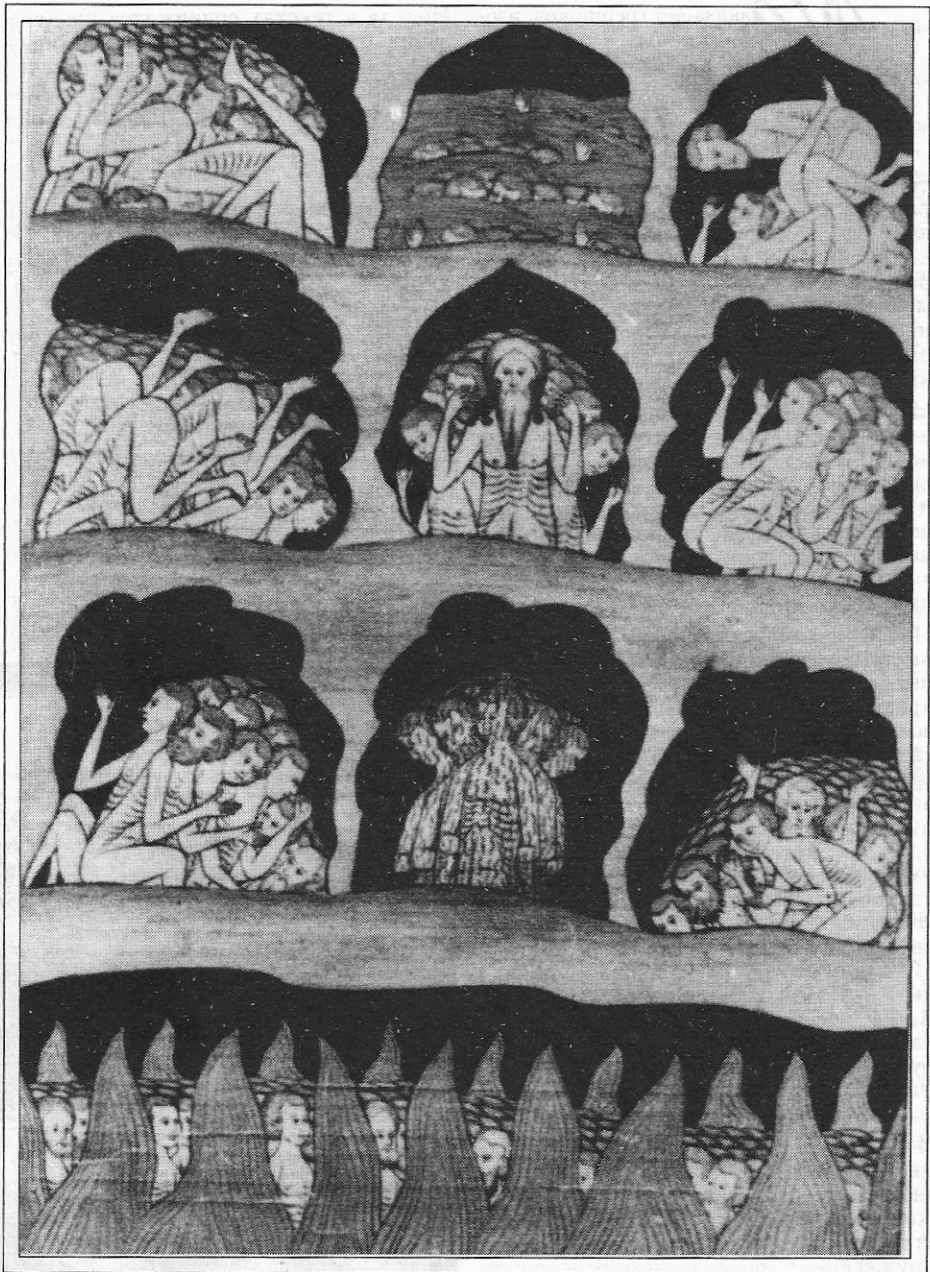
Проводниками по загробному миру могут быть также: Бог, "сивенький старичок", ангел, Божья Матерь, Егорий, Никола-путеводитель. Есть тексты, где по тому свету водят "женщина, как будто монашка", "женщина в плаще, руки в карманы", маленький мальчик, "колдуны вот эти, которым не помереть". В некоторых случаях фигура проводника не конкретизирована, либо обмиравший ходит по загробному миру один.

Д

ля того чтобы попасть на тот свет, человек должен пройти через реку (иногда огненную или с кипящей смолой) по "мостинкам", "кладочке", шнуру, нити: "Как будто меня маль-

чик повел. Ручей, темная вода. По нитке прошел" (Торопецкий район). Человек видит умерших, которые пытаются перейти поток: "Ну вот, эту кладку, положена кладка через реку. И вот идут на том свете покойники, идут по этой кладке. Если я грешная, вот немного, — не дойду до края, и — раз — и увалюся, а который не грешный человек, тот пройдет и уходит... Этот — в рай, в рай попадает" (Торопецкий район). Через огненную реку по нитке обмиравшей помогает пройти святой Егорий, которому она ставила свечку (текст 2). По некоторым рассказам, для того чтобы попасть на тот свет, обмерший должен залезть на крутую гору, часто — из стекла или хрустала. В тексте, приведенном в статье Г.С.Виноградова¹, девушка в сопровождении проводника (Бога) лезет на крутую гору. Иногда обмиравший оказывается у подножия горы, наблюдает, как на нее взбираются умершие и "отживает", так и не побывав в "горнем мире": «Несут кресты большие, мучаются — никак. А кто не грешный, тот — раз, и готово, и пошел, а те говорят: "Это в рай пошли", — в гору, в гору (хрустальную)» (Западнодвинский район).

На тот свет обмерший может попасть и спустившись в могилу (Бельский район Тверской области), поднявшись по "лесенке" вверх (Бокситогорский район Ленинградской области) или просто выйдя из дома. В большинстве текстов сообщается не только о том, как человек попал в иной мир, но и о том, как он вернулся обратно. Среди известных нам обмираний крайне редко встречаются такие, где обмиравший выходил бы с того света тем же путем, что и попал туда: "Ну, она говорит, мне провела немножко, она и глаза открыла. Провела яе, привела домой опять" (Торопецкий район). В большинстве текстов способ выхода из загробного мира необычен: "Ведут, висит полог, как пихнут яво..." (Торопец-

Мучения грешников. Миниатюры из сборника повестей и притчей. Рукопись конца XIX в. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, № 1562, л. 22 об., 23, 38.

кий район). Иногда очнуться помогает прочитанная по совету проводника молитва (Бокситогорский район), но часто пробуждение бывает тяжелым. В рассказе, записанном в Торопецком районе, вернуться возможно лишь переступив через змею: "Как змея лежала, прям меня туды пихнули, я вскрикнула и проснулась". Нередко обмиравшего бросают в "падлину" (падалю); иногда толкают в собственное тело — холодный чулан с костями (Западнодвинский район).

Иной мир представляется то как лес, по которому ходит обмерший, то как дом с длинным коридором, где "стены есть, а дверей нет" (текст 5). Иногда это луг (текст 1). В загробном мире бывают озера, где живут утопленники, плавают дети, умертвленные в утробе или умершие некрещеными.

В раю обмиравший видит обычно сады с цветами и поющими птицами или комнаты с накрытыми столами. Исключения составляют лишь некоторые тексты. Например, в г.Торопце записан рассказ, где Царство Божие представлено таким образом: "Так вот его тожа там водили умерши. По святым местам, в пустыне был, в церкви, старцев видал".

По распространенным взглядам, грешники находятся в загробном мире слева, а праведники — справа: "Детей видала: с аборты — налево, как гады шевелятся, а крешенные помершие — направо" (Западнодвинский район); "Иду — там люди лежат, и там, на этом боку — женщины, на этом — мужчины. Мужчином — не грех баловаться, а женщином — грех" (Куньинский район Псковской области).

С

казания грешников, изображаемые в обмираниях, как правило, соответствуют тем грехам, которые люди совершили при жизни: делавшие аборт едят на том свете сырое мясо, глодают кости своего ребенка (Торопецкий район); их сосут змеи, так как при жизни они не хотели кормить детей грудью (Осташковский район). «Кто льет в молоко воды, будут молоко с водой разделять, и будет никак не разделить» (Торопецкий район). Сплетницы тянут за язык (Торопецкий район).

На том свете удавленники стоят с веревками, утопленники — по грудь в воде (Западнодвинский район). В рассказе, записанном в Торопецком районе, души некрещеных детей плавают по воде: «Некрещеные мучаются, есть им не дают, страдают, по воды все плавают, голодные, которым аборт сделали» (текст 3).

Признак отсутствия или наличия еды на том свете вообще различает грешников и праведников, некрещеных и крещеных (текст 4). Праведники едят золотыми ложками за столом, покрытым красной скатертью (Осташковский район). Характерным признаком, отличающим мучающихся от блаженствующих, является также отсутствие одежды. Дети, убиенные во чреве или умершие до крещения, страдают не только от голода, но и от наготы. Женщин, делавших аборт, на том свете раздевают души этих детей: «Так, два ребеночка маленьких-маленьких, и к этой женщине красивой. Хап у нее платок с головы, а сами — на голову. "Мамочка моя, теперь ты будешь голая, а мы пойдем одетые". Раздели ее, раздели... И она идет, голая уже идет» (Куньинский район).

Иногда умерший находится в ином мире вместе со своими родными и знакомыми. В обмираниях нашло отражение весьма распространенное представление о том, что в загробном мире дружеские и родственные отношения сохраняются такими же, какими они были при жизни.

В Торопецком районе записан сон-обмирание, который явился предвестием смерти: «... С неделю пожил и помер. Две недели прошли, и хозяйка померла. Сын остался. Две недели прошло, и мальчик заболел и умер. Видит баба во сне: дед за ней приходит, свечки топятся, стол накрыт, сидят все в фаты — вроде померши. А другие сидят — мясо на блюдечке, аборт делали. В котле кричат. Одна лезет, матюгается — бух туды, матерно ругается. Приходит в комнату. Одно окошечко. "Здесь, — говорит, — будем жить". — "А нам скучно будет". — "А мы мальчика с собой возьмем". Умерла она, и мальчик умер. Не скучно им».

Находясь на том свете, обмерший не может помочь грешнику. Если же он пытается это сделать, то в наказание изгоняется из загробного мира: «Аксен говорит: "Руку дай!" Я хотел ему руку подать, а меня пихнули, и я проснулся» (Великолукский район Псковской области).

Иногда в текстах содержатся предсказания о дальнейшей судьбе обмиравших, сделанные, как правило, умершими родственниками или загробным проводником: «Вот иду, — говорит, — иду я с отцом своим, отец мне так и говорит: "Выйдет Алевтина замуж, а ты — за Алевтинина деверя замуж» (Куньинский район). Почти всегда обмиравший знает срок своей смерти: «И ты живешь и знаешь, когда ты будешь умирать. Про свою смерть узнаешь» (Торопецкий район).

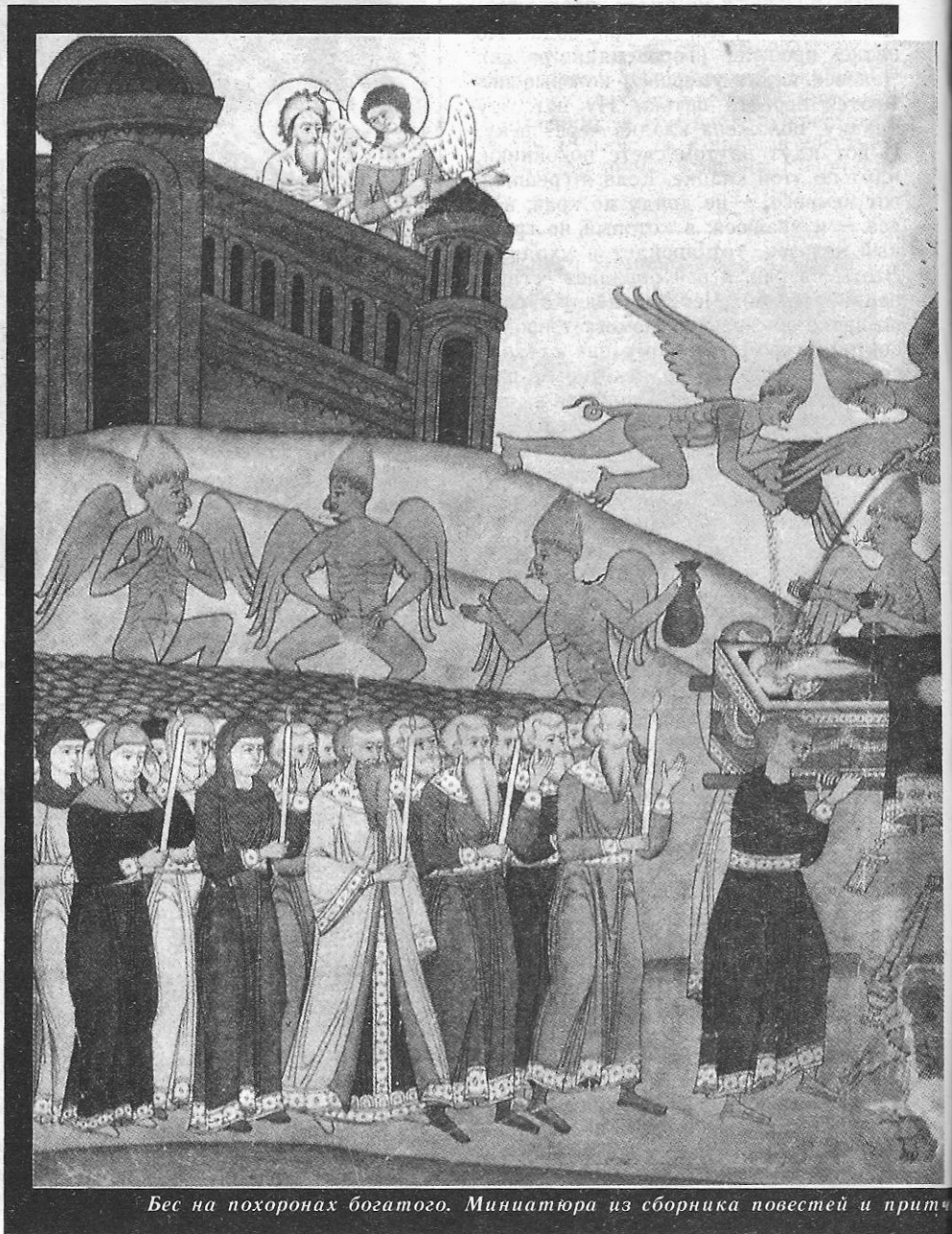
Из своего посещения загробного мира обмиравший выносит и особую, запретную информацию, которую не должен никому передавать. Он узнает три слова (реже — одно, два). Иногда это — «три последних слова», слышанных на том свете. За нарушение запрета обмиравшего может ждать смерть или, наоборот, бессмертие, а также существование после смерти ни на том, ни на этом свете.

Таким образом, в обмираниях оформляются народные представления о загробном мире и посмертном существовании

души. Специфика жанра состоит в том, что обмирания воспринимаются как основной источник этих представлений — непосредственный и достоверный.

В тексте Г.С.Виноградова у обмиравшей женщины, которую на том свете пытали, подозревая в грехе с кумом, якобы остались следы ожогов на спине. В другом тексте женщина, «отжив», отказывается завтракать, так как на том свете разговлялась с родственниками и теперь сыта (Торопецкий район). Особое место занимает третья, заключительная часть обмирания: рассказ о влиянии виденного на последующую жизнь обмиравшего. Здесь утверждается особая действенность обмирания. Функционально эти рассказы чрезвычайно близки к примерам проповедей и поучений.

Характерно, что сны-обмирания гораздо реже и в меньшей степени воздействуют на судьбу сновидца, чем собственно обмирания. Это связано с особым восприятием обмирания, которые в отличие от снов осознаются как нечто из ряда вон выходящее в жизни

Бес на похоронах богатого. Миниатюра из сборника повестей и притч

человека, и с большей оформленностью рассказов о них как жанра. Обмирание в понимании крестьян занимает как бы промежуточное положение между сном и смертью. Рассказчики часто говорят о нем как об особом сне: "Маруся спала двенадцать дней"; "Три дня она поспала"; "Я просто заснула, и пришла крестная matka за мной"; "Если я, к примеру, засну. Сплю, сплю, а потом опять живая".

Обмирание устойчиво ассоциируется и со смертью, иногда оно приближает смерть, иногда является ее предвестием. В начальной части рассказов об обмираниях, как уже говорилось, нередко повествуется о том, что обмершего считают умершим: "Собрались люди, — ну, неживая, неживая. Вымыли, надели, как ей положено, и вынесли в амбар. Вот она день лежала и два лежала там, верно, и третьего сколько-то захватила. Ну, потом молодница эта подняла глаза — что такое! Спужалась" (Торопецкий район).

Рассказы об обмираниях суть устно бытующие видения — жанр, известный

еще древнейшим культурам и достигший своего апогея в средневековой Европе, давший мировой литературе такой классический шедевр, как "Божественная комедия" Данте Алигьери.

Один из древнейших памятников, повествующих о странствиях по загробному миру, хорошо известный в Европе и на Руси в средние века, — иудейская "Книга Еноха" (II в. до н.э.). В ней, в частности, описывается Страшный Суд и блаженство праведных, и именно эти описания, судя по всему, повлияли на соответствующие картины в более поздних памятниках. Среди них на Руси наиболее популярными были "Сказание отца нашего Агапия", "Слово о видении апостола Павла" и "Хождение Богородицы по мукам" (оно до последнего времени переписывалось крестьянами друг у друга, существует также духовный стих на этот сюжет). В описаниях мучений грешников и блаженства праведников обмирания имеют много общего с этими произведениями и, по-видимому, испытали их прямое или опосредованное влияние.

Особенно же осязаемое воздействие произведения древнерусской литературы оказали на письменную традицию обмираний. Переписанные тексты такого рода встречаются иногда у крестьян и до сих пор. Они во многом схожи с устными, однако отличаются большим объемом и литературным характером (так, в записанных обмираниях нередки, например, церковные славянизмы). Как известно, средневековые видения нередко имели политическую направленность (что со всею полнотой проявилось в той же "Божественной комедии"). В одном из известных нам текстов (переписан в Новгородской области в 1989 г.) мы встречаемся с тем же явлением: политические враги — грешники в аду. По тому свету ходит Иоанн Кронштадтский, роль Вергилия принадлежит Серафиму Саровскому.

Примечания

¹Виноградов Г.С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сб.тр. проф. и преп. Гос. Иркутского ун-та. Вып. 5. 1923. С.310-311.

ТЕКСТЫ

1

На работы ехали, каже Антонина, стукнулась она и потеряла сознание. Очнулась в больнице. И вот как она попала в больницу, она тады пришла в себя, в больнице лежавши. Спросила, где она. Ей ответили: там-то и там-то, в больнице. Как спать легла, подышел такой юноша и говорит: "Встань, Антонина!" Она говорит: "Я крепко больная, не хожу". Он ей: "Поддай руку!" И когда она ему руку подала, поднялась. Встала на ноги, и вышли они. А там крепко дождь лил. Она говорит: "Куды, я ж боюсь". — "Пойдем, пойдем, — говорит, — не бойся, иди, иди за мной!" — "Туча видна, боюсь!" — "Не бойся, это не туча — полчище бесовское". И коли они подошли, звери на разные голоса гавкали, мяукали. Коли они прошли эту тучу, там лужок такей, где гадов богато было. "Як ж мне перейти?" — "А ты окрести рукой, они тебе пропустят". Она перешла лужок, стежечку дали. Така ямка большая. В ней комарики шевелятся. "А это, — говорит, — что?" — "А это, которые женщины аборт делают, так это детские души маленькие. Коли их мамка помре, через ямку шагае, а их души полетят". Пришли на поляну. Стоял самолет, и там два места было сзади. Они сели и поднялись в воздух и прилетели в Ерусалим-город, который вечно на небесах стоит. Так там ворота открыты и гробы плывут туды. И она побачила там девочку свою, она двенадцати годов померла. Девочка говорит: "Мама, это ты тут?" — "Я, — говорит, — тут, но меня к тебе не отпускают". Побачила свекра, который дал ей яблоко, и сказал: "Ты же мне посылочку в тюрьму присылала". Она ходила сорок дней, видела, яки дела важались на весах, и ей он на сороковой день сказал: "Тебе уже пора сходить. Ты видела, что я тебе показал, так все опиши людям, потому что человеческие души проходят через эти мытарства".

(Записал О.Р.НИКОЛАЕВ от неизвестной рассказчицы в Рожновском сельсовете Клинцовского района Брянской области в 1985 г.)

Рукопись конца XIX в. Там же, л. 64.

Была обмерши Фекла какая-то. И вот она, этакая Фекла, значит, идти ей надо через реку, а в реке так и барыхмаются, так и барыхмаются, говорит, в реке. А через реку ей идти только по ниточке. А за рекой Ягорий кричит: "Становись, — говорит, — перейдешь и по ниточке. Ты когда-то мне молилась", — говорит. Эдакой Ягорий кричит. Вот она будто встала и перешла по ниточке. Перешла через реку и спрашивает: "А что это тут барыхмаются?" — "А это, — говорит, — которые грешные люди, — говорит, — тут барыхмаются они в воде". Потом идет этакая Фекла мимо — качаются два каких-то, спину в спину, качаются так. "А чего ж это-то качаются?" — "А это, — говорит, — собирашки", — Ягорий говорит. Потом обвину кругом (это и на карточке нарисовано), обвину кругом зми. И в груди сосут, две змеи. "Это за что?" — "А это блудницы", — говорит. Значит, которые с чужими мужиками, значит, волочатся. Ну, а потом идут, говорит, это, грызут падлину. "А это за что страдают?" — "А это заработал, — говорит, — колдовал и заработал, значит, этакое, падлину ись", — Потом идут, идем опять, говорит, приходим. В аду польмя бжжит. "А это за что?" — "А это, — говорит, — за брань, за зло". Злиться нельзя на человека и ругаться нельзя, наверное.

(Записали Л.В.ГИНЗБУРГСКАЯ и М.Л. ЛУРЬЕ от П.И.ДМИТРИЕВОЙ, 1905 г.р., в дер. Любаково Торопецкого района Тверской области в 1989 г.)

У моего папки, у брата женка была обмерши. Мне тогда было годов шесть. Она умерла. Гроб сделали. Хоронить надо. Пошли за попом. А он пришел, взял зеркало ей к носу поднес. И это зеркало запотело. Он говорит: "Она живая. Нельзя хоронить". Стал читать молитву. Все шесть дней она лежала в гробу. Все стоят и плачут — обмерла. Будет она жива или не будет жива? Она не старуха еще была. А так, годов тридцать пять. Все смотрят: встает она. В какое время обмерла, в такое и встала она. Она говорит: "А что со мной? Чего вы меня в гроб положили?" Тут ей стали говорить, что ты обмерши была. Все она рассказала, а три слова, говорит, я не скажу, а если скажу, то умру. "Мне нельзя, мне сказали, нельзя говорить эти три слова". Что поп не говорит три слова, то и покойник, обмерший не скажет. Рассказывала, как ее там водили. Она абортывала, померши у нее много было детей. "И, — говорит, — привели, и мои дети сидят, кашу ядут, которые крещены. А которые некрещены... — говорит, — какой непростительный грех некрещеных хоронить. Некрещеные мучаются, есть им не дают, страдают, по воды все плавают, голодные, которым абортывала". Вот и рассказывала, какой непростительный грех. Сама она блядога была, эта баба. Рассказывала, как ее по горам водили, рассказывала, как на том свете. Весь свет стоит, там живут покойники, все равно живут, которые крещены. А некрещеные совсем в другую сторону, если некрещеные люди. По тому свету ее поп водил. Тамошний поп, покойник там. Родственников своих умерших там встречала, все работают, все делают, как и тут. Потом у нее все дети крещены были. Она там спала, а как она там спала, так она тут проснулась.

* Нищие.

** Есть.

(Записали А.В.ТАРАБУКИНА, М.Л.ЛУРЬЕ, И.В.ПЕТРОВА и Р.Д.ЛИПШИЦ от М.С.СЕМЕЛОВОЙ в дер. Старое Волокское сельсовета Торопецкого района Тверской области в 1988 г.)

Вижу во сне, что я на том свете. Иду, по обоим сторонам стоят столы. Сидит соседка, у нас такая жила бедная. Она тоже умерла. И мой отец. Соседка с той стороны сидит, а отец мой с этой стороны. Вот так они один против одного сидят за столом. У них нет ничего накрыто на столе. А я говорю... Как вроде начальник или военный какой солдат со мной идет и мне это все показывает. Я и говорю: "Господи, чево это у моего отца ничего на свете нету?" А он говорит: "Он не заслужил. Пускай он заслужит. Он, — говорит, — жадный был, собирашкам ничего не давал".

И правда, было, если собирашки ходят — ходили, знаешь, молодые, здоровые мужичуги — а он, бывало, не даст тому. Корку хлеба отрежет или что скажет: "Лодырьники, мучают, работать заставляють, идите работайте..."

И вот идем дальше, подходим к двери. Дверь открывается. Там тоже какой-то котел. И вода там. И там одни военные портянки. Вот так поворачиваются, как кипит. Я говорю: "А что это тут такое варится?" А этот, вроде солдата, который идет со мной, говорит: "Это, — говорит, — портянки солдатские, — говорит. — Они, — говорит, — грязные были. Вот они теперь и кипятят, чтобы они были чистые. Сам кипит котел". Я говорю: "Теперь если и нагрешу на этом свете, так все в рай попаду. У меня муж погибший. Я шла с солдатом. Так или иначе приведет в рай".

Грешники мучаются, а в рай-то сидят да ядут. А вот, когда я шла, а отец сидел. А по етым по сторонам по всем сидят — пряники, печенье, кутья, вот все лепешки. И все ядут. А еты, значит, жадные были. Этой-то нечо было дарить, эта бедная была. А, эта, мой отец, не дарил ничего.

(Записали М.Л.ЛУРЬЕ и А.Г.МИНАСЯН от А.К.ИВАНОВОЙ, 1911 г.р., в дер. Ершово Торопецкого района Тверской области в 1988 г.)

Ну вот, вижу я такой сон, что мой бы отец пришел бы за мной: "Пойдем, дочь, со мной, тебе плохо, детей там много, все. Не жалею детей, пойдем со мной". Ну, я, как отцу отказать, я и пошла с ним. Иду за ним, он вперед, а я — за ним... Потом вдруг — такая постройка: стены есть, а дверей нет. Иду, и просто такие мосточки, ну как их назвать — мостиночки такие. А с одной стороны... женщины и мужчины вот по сих пор стоят в смолы. Женщины вот так поднимают руку: "Куда ты идешь?" — "Как куда иду — вот мой отец, он зовет меня, я не могу отвернуться от него". — "Не ходи, вернись, не беда, что отец. Плохо, — говорят, — тут (ну да кому и как, другое дело)".

Я так поглядела, а он пошел, я так скорее побегла назад. Вот так обоснулася, убегла я. А если б я пошла за ним, значит, я бы умерла.

(Записали А.В.ТАРАБУКИНА и М.Ю.КИРИЛОВА от неизвестной рассказчицы в г. Торопце Тверской области в 1988 г.)

Мировой научный опыт XX в. должен стать в полной мере достоянием отечественной фольклористики, пусть в ряде случаев с непростительным опозданием. Назначение этой рубрики — знакомить читателя с теми научными теориями, направлениями, концепциями, которые имели (а подчас имеют и в настоящее время) широкое распространение за рубежом и оказали плодотворное воздействие на мировую фольклористику, но в силу разных причин, главным образом из-за жесткого идеологического прессы в настоящее время тоталитаризма, у нас были известны слабо, получили одностороннюю, нередко искаженную оценку.

В ближайших планах журнала — статьи о Бр. Малиновском, З. Фрейде, К. Юнге, Р. Якобсоне и др.

Б.Н. ПУТИЛОВ

ШКОЛА ПЭРРИ-ЛОРДА В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ ЭПОСОВЕДЕНИИ

Альберт Лорд